

Профессор Васил КОЛЕВСКИ, доктор филологических наук
(Болгария)

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА АНТИУТОПИИ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Несколько лет в центре внимания литературной, да и не только литературной общественности в Советском Союзе находились романы "Мы" *Е. Замятина* и "Чевенгур" *А. Платонова*. Достаточно посмотреть на литературные издания за 1987-1989 годы, чтобы убедиться в этом. /Позже стало, к сожалению, уже невозможно следить за литературной жизнью в СССР, в России/. Большая статья А. Зверева "Когда пробьет последний час природы" занимает центральное место в первом номере "Вопросов литературы" за 1989 г. Такое же место в первом номере "Литературного обозрения" занимает статья С. Пискуновой и В. Пискунова "Сокровенный Платонов". В седьмом номере этого же журнала за 1988 г. опубликована статья В. Равича "Предупреждение всем". Е. Евтушенко напечатал в газете "Советская культура" 20-го августа 1988 г. статью "Судьба Платонова". В седьмом номере "Вопросов литературы" за 1988 г. читаем статью В. Чалмаева "Утонувший колокол". В "Литературной газете" - 27 апреля 1988 г. - напечатана статья В. Верина "Я же работал совсем с другим чувством". Публикация "Чевенгура" в журнале "Дружба народов" - /3 и 4 номера 1988 г./ сопровождается послесловием Н. Ивановой "Третье рождение". "Мы" Замятина представлен в журнале "Знамя" - № 4, 1988 - В. Лакшиным. Появились и более обширные исследования, такие как "Поиски смысла отдельного и общего существования" Л. Шубина /М., 1987/. Этому автору принадлежит и статья в *Краткой литературной энциклопедии* о Платонове, которая делает ему честь! Книга "Андрей Платонов. Государственный житель", М., 1988. Книга "Философия прозы А. Платонова" Н. Полтовцева и др.

Романы - лучшие новинки литературной жизни.

А в сущности оба произведения написаны еще в 20-х годах. Роман "Мы" Е. Замятина писан в 1920-ом году - конец революции и Гражданской войны, начало мирной созидательной жизни для советского народа, когда появятся первые ростки новых взаимоотношений людей, новой жизни, ради которых и совершилась революция. Но в это время появляются - предугадывают это самые дальнезоркие - и первые негативные явления, вставшие потом на пути создания этой жизни. Вспомним стихотворение Вл. Маяковского "О дряни", написанное в то же самое время:

Слава, Слава, Слава героям!!!

Впрочем,

им

довольно воздали дани.

Теперь

поговорим

о дряни.

Как грозное предупреждение в стихотворении звучит крик Маркса "Опутали революцию обывательщины нити".

А Платонов начал свой роман "Чевенгур" в 1926-ом году. Своеобразным предисловием к роману является повесть автора "Происхождение мастера", появившаяся в 1929 г., в которой дается предистория главного героя Дванова, но это стало ясно для читателей и критики гораздо позже. В этом же 1929 г. выходит и рассказ Платонова "Усомнившийся Макар" который является органическим дополнением к роману "Чевенгур". Если в романе показано как нельзя строить социализм в деревне и в маленьком городе, то в рассказе показаны административно-бюрократические порядки, которые угрожают строительству новой жизни в большом городе, в столице. Как у Замятина, так у Платонова речь идет не о мелких обывателях, а о самых существенных отрицательных явлениях и их носителях.

Прочитав рукопись романа "Чевенгур", М. Горький, наверное, почувствовал это и написал автору, что в Советском Союзе не найдется редактора и издателя этого произведения, что оно не будет правильно понято критикой. К сожалению, так и случилось. Наряду с Замятиным, Платонов оказался в эпицентре критических атак, а роман так и не был опубликован до 1988 г. в СССР. Как отмечает А. Зверев "вовсе не случайность, что уничтожающие удары по Замятину догматическая критика нанесла осенью 1929 года, через пять лет после публикации книги. Это был год "великого перелома", означавшего утверждение сталинизма. Замятина обвиняли в том, что он оболгал революцию, но в действительности причина гонений, обрушившихся на него, была другая: своим романом он предугадал возможность сталинского насилия над революцией, и

камни полетели в писателя, как только начало высаянаться, насколько точным оказалось его предостережение."¹ Это, конечно, относится и к "Чевенгуру". Об этих произведениях заговорили только для того, чтобы вычеркнуть антиутопию вообще...

Поэтому необходимо, хотя и коротко, сказать несколько слов об утопии и антиутопии. С самых древних времен людям было свойственно стремление заглядывать в будущее, мечтать об этом будущем, делать "прожекты", изображать его таким, каким оно им грезится, каким им хочется быть. О "Республике" будущего в представлениях древних греков писал Платон. О *Городе Солнца* мечтал Кампанелла. "Что делать?" - спрашивал Чернышевский и рисовал картины будущей жизни в сновидениях своих героев. Но еще у древних греков, у Аристофана появляются нападки на утопию, появляется антитеза, *антиутопия*, а "Республику" Платона во многом можно рассматривать и как первую антиутопию, задача которой показать нереальность, иллюзорность изображаемого в утопиях. Но как отмечают некоторые авторы, нельзя сводить сущность антиутопии только к этому. Она имеет и свое самостоятельное предназначение. Таковы и романы "Мы" и "Чевенгур". В этих произведениях речь идет вовсе не только о далеком будущем, а скорее об явлениях сегодняшнего дня, которые, конечно, угрожают будущему человечества.

В девятомой *Краткой литературной энциклопедии*, изданной в СССР, этому термину - утопия - не выделено отдельной статьи. О нем упоминается в статье об утопии с целью заклеить, передать анафеме все антиутопии. Наряду с позитивными антиутопиями, читаем на стр. 854-ой в седьмом томе этой энциклопедии - М., 1972 - существуют антиутопии, "содержащие мрачные пророчества о будущем /напр. у Батлера/. В 20 в. некоторые из них имели своей основой антиреволюционные романы "Мы" Е. Замятина /1924 в Англии/, и "1984 год" /1948/ Дж. Оруэлла и др., где наряду с неприятием социализма выразилось смятение буржуазного индивидуалиста перед возможностью бездушной технократической цивилизации".

Термину "антиутопии" отводится место в "Философском энциклопедическом словаре" - М., 1983, - но то, что сказано о нем, почти повторяет уже сказанное в КЛЭ: "А н т и у т о п и я, идейное течение совр. общест. мысли на Западе, к-рое, в противоположность утопии, отрицает возможность достижения социальных идеалов и установления справедливого общественного строя, а также, как правило, исходит из убеждения, что любые попытки воплотить в жизнь справедливый обществ. строй сопровождается

¹ Зверев А. "Когда пробет последний час природы" - Вопросы литературы, 1989. № 1. с. 39.

катастроф. последствиями". И примеры приводятся почти те же: "Наиболее известными и типичными А. являются романы "Мы" Е. Замятина, "Отважный новый мир" и "Обезьянина сущность" О. Хаксли, "Ферма животных" и "1984" Оруэла... В таких антиутопич. соч. проявились враждебность к марксизму и социализму и смятение перед лицом грядущих социальных последствий научно-технич. революции, стремление защитить традиционный бурж. индивидуализм от рационализованной технократич. цивилизации." В "Литературном энциклопедическом словаре" - М., 1987 - намечается тенденция к более объективной оценке антиутопии: "А. зарождается и развивается по мере закрепления утопич. тенденций обществ. мысли, зачастую выполняя роль по своему необходимому динамич. корректива утопии, всегда несколько статичной и замкнутой". Автор статьи спешит предупредить, что антиутопия "лишь изредка обретает самостоят. худож. значимость", что после Октябрьской социалистической революции, "когда построение социализма перешло из области социально-историч. практики и соответственно повысилась значимость утопии как мыслит. эксперимента, А. обретает на вооружение социализму и коммунизму либерально-бурж. сознание." Но в статье о романе Замятина уже не говорится.

Итак, как во многих других областях, так и в области литературы, одно из больших достижений советских писателей, имеющее отношение не только к советской, но и к мировой литературе - становление жанра современной антиутопии - было предано анафеме, было предано забвению...

Всущности Е. Замятин и А. Платонов положили начало этому жанру, который потом с таким успехом развивался и развивается в западных литературах. Можно здесь привести слова Оруэлла, который после прочтения романа "Мы" был в восторге от замятинского "интуитивного постижения иррациональности тоталитаризма, который рассматривает человека как жертву, считая, что жестокость есть цель не требующая оправданий, а поклонение вождю, наделенному атрибутами божества, является нормой".²

В размерах этой статьи нет возможности подробно раскрыть историю создания, издания и оценки произведений Замятина и Платонова, проанализировать подробно эти романы. Всущности, многое в этом отношении уже сделано русскими и западными литературоведами, поэтому я коснусь только тех проблем, которые по моему недостаточны разработаны, или трактуются неверно.

Отличительной чертой романов Замятина и Платонова является широта художественных обобщений, я бы сказал - универсальность. Оба автора подчеркивают несомненный прогресс как в научно-технической, так и в социальной сфере. В романе "Мы"

² Orwell C. "The Collected - Essays, Journalism and Letters, v. 4, N.Y. 1968, p. 75.

главный герой Д-503 является конструктором, строителем "Интеграла" - межпланетного космического корабля. В "Чевенгуре" автор не раз подчеркивает историческую роль Октябрьской социалистической революции, которая пробудила к сознательной политической жизни миллионы трудящихся всей земли. "В то время - говорится в романе - *Россия тратилась на освящение пути всем народам...*" /"Дружба народов", №3, 1988, с. 144. В дальнейшем будут указаны только номер журнала и страница/. А об истории, о судьбах рабочего класса, трудящихся в прошлом можно судить по словам кузнеца *"всегда чудаки над нами командовали, а сам народ никогда власть не принимал; у него, друг, посерьезней дела были - дураков задаром кормить..."* /№ 3, с. 88/.

Что за чудаки командовали народом в прошлом и как он их кормил, мы прекрасно знаем из произведений Салтыкова-Щедрина "История одного города" и "Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил". Кстати, в некоторых статьях роман Щедрина рассматривается как антиутопия, проводится параллель между романом Замятина и "История одного города". Конечно, с точки зрения поэтики, между этими произведениями есть много общего. Нельзя не заметить, что небо - серая шинель и серые униформы героев в "Мы" во многом напоминают роман Щедрина, что символика, иносказательный язык авторов очень близки. Но с точки зрения жанра нет никаких оснований сравнивать эти произведения. Утопия и антиутопия исходят из тенденций настоящего, но обращены к будущему. В романе Щедрина хотя и символически тоже обозначена буря будущего, главное внимание автора направлено на настоящее и прошлое.

Раскрывая научно-технический и социальный прогресс человечества, Замятин и Платонов глубоко встревожены тем, что этот прогресс сопровождается такими "издержками", которые иногда ставят под сомнение прогрессивность этого "прогресса", не говоря об его оценке с точки зрения гуманизма, нравственности, эстетики и пр. В романе Замятина люди во имя "блага", "счастья" изолированы от солнца, от природы, лишены свободы, естественной нормальной жизни. В "Чевенгуре" жители "коммуны бедняков" уничтожают прекрасные леса, чтобы посеять рожь, потому что она прибыльнее... Необходимо ли напоминать о варварском уничтожении озер, рек, морей, против которого так страстно выступают писатели сегодня? Достаточно напомнить статьи и выступления Валентина Распутина. Необходимо ли напоминать, что в результате научно-технического прогресса в атмосфере образовались "дыры", которые угрожают жизнь человечества, жизнь на земле?

Пророческими оказались и прозрения Замятина и Платонова, касающиеся поражений тоталитаризма, манипулирования обществом. Они вовсе не направлены против революции, против обще-

ственного прогресса, как долгое время многие писали на Западе, толкуя романы "Мы" и "Чевенгур" как пасквиль на социализм. Уместно здесь напомнить слова М. Булгакова, приводимые В. Равичем в его статье "предупреждение всем": *"Пасквиль на революцию, вследствие чрезвычайной грандиозности ее, написать невозможно"*.³

Но было бы тоже неправильно суровые предупреждения авторов адресовать только в сторону врагов социализма. Мы помним из фильма "Обыкновенный фашизм" М. Рома с каким умилением, с какими слезами массы - мужчины, женщины старики, дети протягивали руки к Благодетелю - Гитлеру. Но эти картины напоминают нам и о другом Благодетеле... Эта любовь и преданность, очень часто искренние, неподдельные, не помешали этим благодетелям сослать миллионы людей в лагеря смерти, создать такую машину насилия, такой аппарат бюрократов и хранителей, которым могли бы позавидовать самые жестокие диктаторы прошлого. Прошедшие десятилетия после написания "Мы" и "Чевенгур" показали, к сожалению, что прозрения писателей оказались пророческими...

Напомним и о более новых событиях, подтверждающих прозрения Замятина и Платонова. В канун известных событий в Венгрии в 1956 г. проходили выборы. За кандидатов партии и правительства голосовало огромное большинство, чуть ли не 100%. Но вспыхнули события и оказалось, что соотношение сил такое же, только ... с обратным знаком. В 1979 году мне довелось побывать во Вьетнаме, обугленном американскими бомбардировщиками Вьетнаме. Был на границе с Кампучией. Своими глазами я видел обезумевшие толпы людей, которые в ужасе бежали через границу, спасаясь от "красных" кхмеров. А необходимо ли напоминать как проводилась "культурная революция" в Китае? Фильм "Последний император" достаточно убедительно показывает это.

К сожалению, нет никаких оснований не беспокоиться, что и в будущем не будет таких "революций"...

Вторая проблема, на которой хочется более подробно остановиться, это проблема подлинно научного, верного пути развития социалистического общества. В большинстве работ, посвященных романам "Мы" и "Чевенгур", авторы вообще не касаются этой проблемы. Оба романа рассматриваются только в плане тезиса и антитезиса, утопии и антиутопии. Существовали, дескать, утопические, субъективистские, неверные представления и практика революции и строительства социализма, и Замятин, и Платонов развенчивают эти мифы.

³ Равич В. "Предупреждение всем" - Литературное обозрение, 1988, № 7, с. 45.

Да все, это было. Был Благодетель, были, некоторые из них еще живы, "хранители", был Пиуся, уничтожающий буржуев и прочих. Были активисты "марксисты" типа Порфилия, которые "заботились" о том, чтобы для своей Клавдии припрятать добро расстрелянных... И Замятин, и Платонов настолько убедительно все это показали, что их произведения, их герои стали нарицательными.

Не такой ли псевдосоциализм так быстро "построили" себе чевенгурцы? Не от такого ли "социализма" пытались предостеречь современников и потомков Замятин и Платонов? "Социализм", который "делается" в "боевом порядке революционной совести и *трудгужповинности*" /№ 3, с. 124/, "социализм", который можно построить за год, даже "можно к новому году поспеть оделать социализм" /№ 3, с. 125/.

Но у обоих авторов, в обоих романах есть, чувствуется и другое понимание социализма - подлинно-научного социализма, социализма, который можно строить только исходя из закономерностей самой жизни, объективных закономерностей, открытых Марксом, Энгельсом, Лениным.

Как увидим, эти закономерности чувствуют и сами трудящиеся и выступают против "прожектов" чевенгурских руководителей. Это исходная точка обоих авторов! Они боролись против утопического, а не против научного, подлинного социализма. Поэтому их произведения являются антиутопиями. Отсюда смелость и самоуверенность разоблачения ложного, неверного пути. Об этом говорят и автобиографии обоих авторов. Е. Замятин - участник первой русской революции. В своей краткой автобиографии, опубликованной в 1928 году, он вспоминает об этом времени: "Все это сейчас - как вихрь демонстрации на Невском, казаки, студенческие и рабочие кружки, любовь, огромные митинги в Университете и институтах - Тогда был большевиком /теперь не большевик/, работал в Выборгском районе; одно время в моей комнате была типография. Сражался с кадетами в студенческом Совете Старост. Развязка, конечно - в одиночке на Шпалерной."⁴ А Платонов был участником Гражданской войны, активным строителем новой жизни. В ответ на замечания Горького, что редакторы воспримут неправильно "Чевенгур", как клевету на революцию, на социализм, Платонов удивлялся: "*Я же работал совсем с другим чувством...*" И ему нельзя не верить, ему, "одному из самых глубоких и мудрых писателей лет нашей жизни" - как писал о нем Эм. Мидлин.⁵ Платонов был убежден, что "коммунистическое человечество - это не человечество капитализма: оно в тысячи раз сильнее последнего..."⁶

⁴ Писатели. Автобиографии современников. М., 1928, с. 130.

⁵ Мидлин Э. Необыкновенные собеседники. М., 1968, с. 419.

⁶ Платонов А. Собр. соч. в трех томах. Т. 3. М., 1985, с. 527.

И самое главное - в самих произведениях есть реальные доказательства существования и понимания этого третьего, в сущности, единственного верного пути. В "Мы" об этом говорит протест, организованный протест, бунт против Благодетеля и его режима. В "Чевенгуре" об этом пути существуют более конкретные доказательства и аргументы. Всем ходом повествования автор /конечно, свойственным ему, особенно его героям языком/ показывает, доказывает, что это ленинский путь! Этот путь требует не "раскулачивания" крестьян-тружеников, этот путь требует не физического уничтожения "буржуев" и "прочих", не отречения от труда и утверждения насилия и разбоя, паразитного существования, а развития науки и техники, упорного труда, чья производительность увеличится много раз по сравнению с прошлым. В своей статье "Великий почин", написанной в июле 1919 г., Ленин подчеркнул, что диктатура пролетариата "не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом" /к.м. - В.К./,⁷

Ленинский путь построения социализма требует сплочения всех честных людей, всех тружеников, всех специалистов не путем насилия, а путем экономической заинтересованности, путем утверждения подлинной демократии. И это, предупреждал Ленин, будет длительный исторический процесс. Сколько раз в "Чевенгуре" автор и герои ссылаются на Ленина! Приведу отдельные примеры о том, каково отношение к Ленину. "Уполномоченный" Федор Достоевский на вопрос Копенкина "Кто же тебе такое своевластие дал? отвечает уверенно:

- Да я тут все одно, что Ленин! /№ 3, с. 124/.

Ленин для этого праводискателя является другом трудящихся их защитником. "Обдумываю, как бы Ленина вызвать сюда - все же таки вождь!" - говорит Пашинцев /№ 3, с. 139/. Раздумывая о "исправности коммунизма" в Чевенгуре, Чепурный тоже обращается к Ленину: "Любо мне к товарищу Ленину съездить, чтоб он мне лично всю правду сформулировал!" /№ 4, с. 62/. А как актуальны раздумья героев над ленинским взглядом о кооперации, о ее месте в строительстве новой жизни! Об Алексее Алексеевиче, который чувствует Ленина "как своего умершего отца", говорится: "Изучив статью о кооперации, Алексей Алексеевич прижался душой к Советской власти /Советской с прописной буквой! - В. К./ и принял ее теплое народное добро. Перед ним открылась столбовая дорога святости, ведущая в божье государство житейского довольства и

⁷ Ленин В. Пол. собр. соч. Т. 39, с. 13.

содружества. До этого Алексей Алексеевич лишь боялся социализма, а теперь, когда социализм назвался кооперацией, Алексей Алексеевич сердечно полюбил его" /№ 4, с. 56/.

Конечно, цитируя все это, мы должны понять, как уже было сказано, каков язык автора, тем более его героев. Иногда правильные постановки Ленина, понимаются героями ошибочно, но это имеет отношение к оценке самих героев, не к Ленину. Известно какую оценку Ленин дал первым субботникам, как проявлению свободного сознательного труда рабочего класса. А теоретик чевенгурцев Прокофий считает, что этот почин имеет отношение к "отсталым районам", а они уже построили коммунизм, "кончили". /№ 4, с. 102.

Центральное место в рассуждениях чевенгурцев о социализме занимают проблемы труда. Чепурный и другие утверждают, что труд порождает неравенство, что нельзя трудиться, что солнце будет кормить всех. Но практика показала, что это ведет к голоду, к гибели. Уничтожив запасы "буржуев" и "прочих", чевенгурцам нечего есть. Когда на них напали "кадеты", им нечем защищаться, не было патронов...

Некоторые авторы удивляются концу романа. Откуда мол взялись в это время "белые", кадеты, солдаты! Даже предполагают, что солдаты, может быть, являются красноармейцами. Но офицеры, солдаты, погоны и пр. - это было в то время символ белых. Забывается условность стиля, языка Платонова, забывается то, что долго после гражданской войны банды белых продолжали рыскать по России. И главное - конец чевенгурской коммуны вытекает органически из идеи романа. Такой социализм не может продержаться, не может существовать. Враги коммунизма уничтожат его. Это суровое предупреждение Платонова. Так что никак нельзя согласиться с С. Пискуновой и В. Пискуновым, считающим, что "чевенгурский коммунизм уничтожен взявшимся откуда-то из совсем другого времени военным отрядом - то ли "кадетов на лошадях", то ли просто "солдат".⁸

Хотя аналогии вещь рискованная, все таки, имея ввиду конец романа "Чевенгур", можно сказать, *что если советский народ победил в великой отечественной войне, значит не все в СССР было сделано почевенгурски, значит было в партии, в стране в народе что-то подлинно положительное, обеспечившее эту победу!*

Кузнец, представитель трудового народа чувствует, понимает несостоятельность теории и практики чевенгурских "большевиков", поэтому выходит из Чевенгура, строит себе на окраине кузицу и начинает работать. В этом плане нужно проанализировать и

⁸ Пискунова С., Пискунов В. "Сокровенный Платонов" - Литературное обозрение № 1, 1989, с. 19.

отношение автора и героев к НЭП - к новой экономической политике, введенной Лениным. "Сегодня секретарь губкома был отчасти доволен: новую экономическую политику он представлял как революцию, пущенную вперед самотеком - за счет желания самого пролетариата. А раньше революция шла на тяговых условиях аппаратов и учреждений, точно госапарат на самом деле есть машина для постройки социализма" /№ 4, с. 45/.

Замена продразверстки продналогом, поощрение производствот что интересует мужиков, вот о чем они "балакают" с Двановым: "Сказывают, разверстку теперь не берут, а мы все сеять боимся... И прочие легкости народу пошли - разберут по ртам, а нам не достанется!

Дванов вскинулся: как разверстку не берут - кто сказал? Но рябой и сам не знал: не то он действительно это слышал, не то от всего сердца нечаяно выдумал. Объяснил только вообще - проходил дезертир без документов и, поев каши у рябого, собщил, что нет теперь никакой разверстки - к Ленину в кремлевскую башню мужики ходили, три ночи сидели и выдумали послабление" /№ 3, с. 145/.

Известно, что обдумывая проблемы НЭП-а, В. И. Ленин действительно советовался со многими представителями трудящихся, в том числе крестьянами. Но обратите внимание, мужики почувствовали необходимость "послабления", необходимость новой экономической политики своим сердцем! И эта политика не временной тактический ход, это нечто "серьезное". "Дванов понял, что это серьезно, что у революции стало другое выражение лица" /№3, с. 149/.

Необходимо решительно возразить на утверждение, будто увлечения, неверные теории строительства социализма, жестокость по отношению к трудовому народу, репрессии и пр. - это дело рук только невежества, невежественных масс. Так например, Владимир Верин пишет: "Платонов предупреждал о последствиях страшной опасности - извращение марксизма примитивным сознанием, о том, что наивная и прямолинейная популяризация ленинских идей приводит к казарменому социализму."⁹

Думаю, что Платонов предупреждал не только об этом. В романе "Чевенгур" гораздо больше проблем и они гораздо сложнее. Среди крестьян и рабочих с примитивным сознанием были действительно и такие, которые не шли дальше казарменного социализма в своих представлениях о будущем. Но как уже показали, были и такие, которые несмотря на свою безграмотность, своим сердцем чувствовали куда идти, чувствовали Ленинскую правду.

⁹ Верин В. "Я же работал совсем с другим чувством" - "Литературная газета", 27 апреля 1988.

В тоже самое время были авторитетные марксисты с мировым именем, которые по существу понимали социализм не лучше Чепурного, чевенгурских большевиков. Напомним что думал и писал по этим проблемам Л. Д. Троцкий: "... Чтобы перешагнуть от буржуазной анархии к социалистическому хозяйству без революционной диктатуры и без принудительных форм организации хозяйства, не может быть и речи... Плановое хозяйство немислимо без трудовой повинности... никакая другая организация, кроме армии, не охватывала в прошлом человека с такой суровой принудительностью, как государственная организация рабочего класса в тегчайшую переходную эпоху. Именно поэтому мы и говорим о *милитаризации труда*".¹⁰

То, что делают чевенгурцы - это не только теория и практика безграмотных рабочих и крестьян, людей с примитивным сознанием. Жизнь показала, что это может оказаться и теорией и практикой вождей, "корифеев науки". Если не разобраться в сущности этого явления невозможно бороться за подлинный социализм. Без настоящей демократии нет и не может быть социализма! Без уважения личности нет и не может быть социализма. Об этом предупреждал Платонов, об этом предупреждали его герои, его положительные герои, хотя этот термин *положительные герои* теперь многими отрицается, не употребляется. Но этот герой существует!

Он совершил революцию. Он строил социализм. Он победил в Великой Отечественной войне. Давайте вспомним слова героев и автора "Чевенгура". "Самим Лениным объявлен, как же! Власть теперь местная сила, а не верхняя!" /№ 4, с. 52/; "Партийные люди не походили друг на друга, в каждом лице было что-то самодельное, словно человек добыл себя откуда-то своими одинокими силами" /№ 4, с. 46/.

И завет Платонова - *пусть каждый чувствует свое имя и значение!*

¹⁰ Новый мир, 1989, № 2, с. 221-222.

Проф. др Васил Колевски

НАСТАНАК ЖАНРА АНТИУТОПИЈЕ У СОВЈЕТСКОЈ КЊИЖЕВНОСТИ

(Резиме)

У раду о *настанку жанра антиутопије* у руској књижевности XX века, аутор указује на изузетно интересовање научне и стручне јавности за романе *Ми* Јевгенија Замјатина и *Чевенгур* Андреја Платонова, што потврђује број издања дела од 1987. до 1989. године, број рецензија и тумачења, од којих издваја расправе А. Зверјова "Када ће куцнути последњи час природе", В. Пискунова "Тајни Платонов", В. Равича "Упозорење свима" и В. Чалмајева "Потонуло звоно", Јевгенија Јевтушенка "Судбина Платонова", Л. Шубина "Тражење смисла индивидуалне егзистенције". Куриозум је у томе што су оба романа написана много раније - још двадесетих година овог века.

Замјатинов роман је регистровао појаве првих година настанка "новог света", за који се водила револуција и грађански рат, појаве које су поткопавале конкретно остварење планираног друштва. У извесном смислу ауторска позиција је блиска сатиричној песми Мајаковског "О гадовима", чију суштину изражавају стихови: "Омотавају револуцију малограђанске нити" и "Да канаринци комунизам не победе".

Приповетка Платонова "Порекло мајсторово" је прелудијум "Чевенгура", у коме је имплицитно показано како се погрешно граде нови друштвени односи на селу. Горки је писао Платонову да нема у Совјетском Савезу издавачке куће која би објавила његов роман, нити критичара који би га правилно схватио. Доиста, роман је објављен 60 година касније /1988/. Критика је нападала Платонова да "клевета револуцију", у ствари што је предсказао свемоћ бирократије и будуће чистке.

Напад на роман *Ми* пресекао је развој жанра антиутопије, жанр који датира од Платонове "Републике" и Аристофанове критике утопије. Чак је у књижевној енциклопедији изостала одредница *антиутопија*, већ се о њој говори, и крајње неповољно, под одредницом *утопија*. У ствари, Замјатин је зачетник жанра који су у западноевропским књижевностима афирмисали Хаксли у делу "Дивни нови свет" и Орвел у "1984"-ој. Орвел је високо ценио Замјатина за "дубинско поимање тоталитаризма, који не тражи оправдање за суровост и идолатрију промовише у нормативно понашање грађана".

У "Чевенгуру" Платонов развија две тезе: "у револуцији Русија се борила, да осветли пут другим народима" а после победе "увек су командовали чудаца". Тиме се мотивише активност "комуне сиромашних" која "уништава дивне шуме" - симбол лепоте природе и природности.

Аутор прилога, међутим, сматра да ни Замјатин, ни Платонов нису оспоравали идеју револуције већ пародирали изневеравање научног социјализма. Њихова позиција је сродна слогану Булгакова: "Немогуће ће написати пасквилу о револуцији услед њене грандиозности".

Финал "Чевенгура", у коме се појављују *белогардејци* и *кадети*, тумачи се као предвиђање пораза експеримента совјетског друштва, зато што се није организовало на принципима научног социјализма, које аутор брани историјским збивањима - победом руског народа царизма, стране интервенције, јапанских и хитлеровских завојевача, што за њега значи да је у идејама револуције била моћ и вредност које су омогућиле победе.

